

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор повести в своем предисловии сам рассказывает свою жизнь. Он родился в начале 1505 года (по его счету в конце 1504 года¹) в Трирском архиепископстве, учился в Кельнском университете, но курса не кончил, пополнил свое образование беспорядочным чтением, преимущественно сочинений гуманистов, потом поступил на военную службу, участвовал в походе в Италию в 1527 году, побывал в Испании, наконец, перебрался в Америку, где и провел последние пять лет, предшествовавшие событиям, рассказанным в повести. Самое действие повести обнимает время с августа 1534 по осень 1535 года.

Автор говорит (гл. XVI), что он писал свою повесть непосредственно после пережитых событий. Действительно, хотя уже с самых первых страниц он делает намеки на происшествия всего следующего года, из повести не видно, чтобы автор был знаком с событиями более поздними. Он, например, ничего еще не знает об исходе Мюнстерского восстания (Мюнстер взят приступом в июне 1535 года), о котором поминает дважды (гл. III и XIII), и говорит об Ульрихе Цазии (гл. XII) как о человеке живом († 1535 год). Сообразно с этим тон рассказа, хотя в общем и спокоен, так как автор передает события, уже отошедшие от него в прошлое, местами все же одушевлен страстью, так как прошлое это еще слишком близко от него.

---

¹ В начале XVI в. год еще считался с Пасхи.

Неоднократно автор заявляет, что он намерен писать одну правду (предисловие, гл. IV, V и др.). Что автор действительно стремился к этому, доказывается тем, что мы не находим в повести анахронизмов, и тем, что его изображение личностей исторических соответствует историческим данным. Так, переданные нам автором повести речи Агриппы и Иоганна Вейера¹ (гл. VI) соответствуют идеям, выраженным этими писателями в их сочинениях, а изображенный им образ Фауста (гл. XI—XIII) довольно близко напоминает того Фауста, какого рисует нам его старейшее жизнеописание (написанное И. Шписсом и изданное в 1587 г.). Но, конечно, при всем добром желании автора, его изложение все же остается субъективным, как и все мемуары. Мы должны помнить, что он рассказывает события так, как они ему представлялись, что, по всем вероятностям, отличалось от того, как они происходили в действительности. Не мог избежать автор и мелких противоречий в своем длинном рассказе, вызванных естественной забывчивостью.

Автор говорит с гордостью (предисловие), что, по образованию, не почитает себя ничем ниже «гордящихся двойным и тройным докторатом»². Действительно, на протяжении повести разбросано множество свидетельств разносторонних знаний автора, который, согласно с духом XVI века, стремился ознакомиться с самыми разнообразными сферами науки и деятельности. Автор говорит, тоном знатока, о математике и архитектуре, о военном деле и живописи, о естествознании и философии и т. д., не считая его подробных рассуждений о разных отраслях оккультных знаний. Вместе с тем в повести встречается множество

---

¹ Иоганн Вейер (1515—1588) — голландский и немецкий врач и оккультист, ученик Агриппы Неттесгеймского.

² «Двойной и тройной докторат» — сочинение по медицине Иоанникия, сирийского врача, несторианца, пользовалось в латинском переводе в Средние века большим почетом, наравне с сочинениями Гиппократов.

цитат из авторов, древних и новых, и просто упоминаний имен знаменитых писателей и ученых. Надо, впрочем, заметить, что не все эти ссылки вполне идут к делу и что автор, по-видимому, щеголяет своей ученостью. То же надо сказать о фразах на языках латинском, испанском, французском и итальянском, которые автор вставляет в свой рассказ. Сколько можно судить, из иностранных языков он действительно был знаком лишь с латинским, который в ту эпоху был общим языком образованных людей. Испанский язык он знал, вероятно, лишь практически, а знания его в языках итальянском и французском более чем сомнительны.

Автор называет себя последователем гуманизма (предисловие, гл. X и др.). Мы можем принять это утверждение только с оговорками. Правда, он часто ссылается на различные положения, ставшие как бы аксиомами гуманистического мирозерцания (гл. I, IV, X и др.), с негодованием говорит о схоластике и приверженцах мирозерцания средневекового, но все же в нем самом еще очень много старинных предрассудков. Идеи, воспринятые при беспорядочном чтении, смешались у него с традициями, внушенными с детства, и создали мировоззрение крайне противоречивое. Говоря с презрением о всяких суевериях, автор порою сам обнаруживает легкое верие крайнее; насмехаясь над школами, «где люди занимаются приискиванием новых слов», и всячески восхваляя наблюдение и опыт, он, по временам, способен путаться в схоластических софизмах и т. д.

Что касается до веры автора во все сверхъестественное, то в этом отношении он только шел за веком. Как это ни кажется нам странным, но именно в эпоху Возрождения началось усиленное развитие магических учений, длившееся весь XVI и XVII век. Неопределенные колдования и гадания Средних веков были в XVI веке переработаны в стройную дисциплину наук, которых ученые насчитывали свыше двадцати (см., например, сочинение Агриппы *De speciebus*

magiae¹). Дух века, стремившийся все рационализировать, сумел и магию сделать определенной рациональной доктриной, внес осмысленность и логику в гадания, научно обосновал полеты на шабаш и т. д. Веря в реальность магических явлений, автор повести только следовал лучшим умам своего времени. Так, Жан Боден, знаменитый автор трактата *De republica*², которого Бокль признавал одним из замечательнейших историков, в то же время автор книги *La Demonomanie des sorciers*³, подробно исследующей договоры с дьяволом и полеты на шабаш; Амбруаз Паре, преобразователь хирургии, описал природу демонов и виды одержания; Кеплер защищал свою мать от обвинения в ведовстве, не возражая против самого обвинения; племянник знаменитого Пико, Джованни-Франческо делла Мирандола, написал диалог «Ведьма», с целью убедить образованных неверующих людей в существовании ведьм; по его словам, скорее можно сомневаться в существовании Америки, и т. д. Папы издавали специальные буллы против ведьм, и во главе известного *Malleus maleficarum*⁴ стоит текст: *Haeresis est maxima opera maleficarum non credere*, то есть: «Не верить в деяния ведьм — высшая ересь». Число этих неверящих было очень невелико, и среди них на видное место должно поставить упоминаемого в повести Иоганна Вейера (или, по другой транскрипции его имени, Жана Вира), который первый признал в ведовстве особую болезнь.

Валерий Брюсов

---

¹ «О видах магии» (лат.).

² «О государстве» (лат.).

³ «Демонomanия колдунов» (фр.).

⁴ «Молот ведьм» (лат.).

*ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ,
ИЛИ ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ,*

*в которой рассказывается о дьяволе,
не раз являвшемся в образе светлого
духа одной девушке и соблазнившем
ее на разные греховные поступки,
о богопротивных занятиях
магией, астрологией, гоепией
и некромантией, о суде над одной
девушкой под председательством его
преподобия архиепископа Трирского,
а также о встречах и беседах
с рыцарем и прижды доктором
Агриппою из Нептесгейма и доктором
Фаустом, написанная очевидцем*

*Non illustrium cuiquam virorum artium laude
doctrinaeve fama clarorum at tibi domina lucida
demens infelix quae multum dilexeras et amore
perieras narrationem haud mendacem servus
devotus amator fidelis sempiternae memoriae
causa dedicavi scriptor.*

Не кому-либо из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе, женщина светлая, безумная, несчастная, которая возлюбила много и от любви погибла, правдивое это повествование, как покорный служитель и верный любовник, в знак вечной памяти посвящает автор.

Перевод В. Брюсова

AMICO LECTORI¹,

---

*предисловие автора,
где рассказывается его жизнь
до возвращения в немецкие земли*

Мне думается, что каждый, кому довелось быть свидетелем событий необычных и малопонятных, должен оставлять их описание, сделанное искренно и беспристрастно. Но не одно только желание содействовать такому сложному делу, как изучение загадочной власти дьявола и области ему доступной, побуждает меня предпринять это, лишенное прикрас, повествование о всем удивительном, что пережил я за последние двенадцать месяцев. Меня привлекает также возможность — открыть, на этих страницах, свое сердце, словно в немой исповеди, пред неведомым мне слухом, так как больше не к кому мне обратиться свои печальные признания и трудно молчать человеку, испытавшему слишком много. Для того же, чтобы было видно тебе, благосклонный читатель, насколько можешь ты доверять бесхитрому рассказу и насколько способен я был разумно оценивать все, что наблюдал, хочу я в коротких словах передать и всю мою судьбу.

Прежде всего скажу, что я не был юношей, неопытным и склонным к преувеличениям, когда повстречался с темным и с тайным в природе, так как переступил уже через грань, разделяющую нашу жизнь на две части. Родился

---

¹ Другу читателю (лат.).

я в Трирском курфюршестве в конце 1504 года от Воплощения Слова, февраля 5-го, в день Святой Агаты, что было в среду, — в небольшом селении, в долине Гохвальда, в Лозгейме. Дед мой был там цирульником и хирургом, а отец, получив на то привилегию от нашего курфюрста, практиковал как медик. Местные жители всегда высоко ценили его искусство и, вероятно, по сей день прибегают к его внимательной помощи, заболев. В семье нас было четверо детей: два сына, считая со мной, и две дочери. Старший из нас, брат Арним, успешно изучив ремесло отца дома и в школах, был принят в корпорацию трирскими медиками, а обе сестры удачно вышли замуж и поселились — Мария в Мерциге, а Луиза в Базеле. Я, получивший при святом крещении имя Рупрехта, был в семье самым младшим и оставался еще ребенком, когда брат и сестры стали уже самостоятельными.

Образование мое никак не может быть названо блистательным, хотя ныне, имев в жизни много случаев приобрести познания самые разнообразные, не почитаю я себя ничем ниже некоторых, гордящихся двойным и тройным докторатом. Отец мой мечтал, что я буду его преемником и что мне передаст он, как богатое наследство, и свое дело и свой почет. Едва обучив меня грамоте, счету на абакке и начаткам латыни, он стал посвящать меня в тайны медикаментов, в афоризмы Гиппократов и в книгу Иоанникия Сирийского. Но мне с самого детства были ненавистны занятия усидчивые, требующие одного внимания и терпения. Только настойчивость отца, который со старческим упрямством не отступал от своего намерения, и постоянные увещания матери, женщины доброй и робкой, принудили меня сделать некоторые успехи в изучаемом предмете.

Для продолжения моего образования отец, когда мне было четырнадцать лет, послал меня в город Кельн, на Рейне, к своему старому другу Отфриду Герарду, думая, что мое прилежание возрастет от соревнования с товарищами. Од-

нако университет этого города, откуда доминиканцы только что вели свою постыдную борьбу с Иоганном Рейхлином, не мог оживить во мне особое рвение к науке. В то время там хотя и начинались некоторые преобразования, но среди магистров почти вовсе не было последователей новых идей нашего времени и факультет теологии все еще высился среди других, как башня над кровлями. Мне предлагали учить наизусть гекзаметры из *Doctrinale*¹ Александра и вникать в *Сорупата*² Петра Испанского. И если за годы моего пребывания в университете я научился чему-либо, то, конечно, не из школьных лекций, а только на уроках оборванных, странствующих преподавателей, которые появлялись порой и на улицах Кельна.

Не должен я (то было бы несправедливо) назвать себя лишенным способностей, и впоследствии, обладая хорошей памятью и быстрой сообразительностью, я без труда входил в рассуждения наиболее глубоких мыслителей древних и наших дней. То, что мне случилось узнать о работах нюрнбергского математика Бернгарда Вальтера, об открытиях и соображениях доктора Теофраста Парацельса, а тем более об увлекательных воззрениях живущего во Фрауенбурге астронома Николая Коперника³, позволяет думать, что благодетельное оживление, переродившее в наш счастливый век и свободные искусства, и философию, перейдет в будущем и на науки. Но пока не могут они не быть

¹ «Наставление в учении» (*лат.*) — сочинение по латинской грамматике Александра Вилльдье (XI—XII вв.).

² «Сборник» (*лат.*) — сочинение по логике Петра Испанского, впоследствии папы Иоанна XXI (XIII в.). Это школьные учебники, не раз упоминаемые в «Письмах темных людей».

³ Бернгард Вальтер (1430—1504), открывший атмосферическое преломление света, был известен лишь в кругах специалистов. Напротив, Теофраста Парацельса (1493—1541), врача, алхимика, философа, знала вся Европа. Сочинение Коперника (1473—1543) «О круговращениях небесных тел» в печати появилось лишь в 1543 г., но его идеи в ученом мире были известны раньше.

чужды каждому, сознающему себя, по своему духу, современником великого Эразма, путником долины человечности, *Vallis humanitatis*¹. Я, по крайней мере, и в годы отрочества — бессознательно, и взрослым человеком — после размышлений, всегда невысоко ценил знание, почерпнутое новыми поколениями из старых книг и не проверенное исследованием действительности. Вместе с пламенным Джованни Пико Мирандолою², автором блистательной «Речи о достоинстве человека», готов я послать проклятие «школам, где люди занимаются приискиванием новых слов».

Чуждаясь в Кельне университетских лекций, я, однако, с тем большей страстностью предался вольной жизни студентов. После строгости отчего дома мне очень по вкусу пришлись и удалое пьянство, и часы с покладистыми подругами, и картежная игра, захватывающая дух сменами случайностей. Я быстро освоился с разгульным времяпрепровождением, как и вообще с шумной городской жизнью, преисполненной вечной суетни и торопливости, которая составляет отличительную особенность наших дней и на которую с недоумением и негодованием смотрят старики, вспоминая тихое время доброго императора Фридриха³. Целые дни проводил я с товарищами в проказах, не всегда невинных, переходя из питейных домов в веселые, распевая студенческие песни, вызывая на драку ремесленников и не гнушаясь пить чистую водку, что тогда, пятнадцать

¹ Сочинение Германа Буша (1468—1534), в котором он защищает гуманистическое миросозерцание. Эразм Роттердамский (1467—1536) в 30-х гг. XVI в. уже пережил свою славу.

² Речь Пико делла Мирандолы (1463—1494) пользовалась великим уважением в среде первых немецких гуманистов.

³ Выражение «время императора Фридриха» (1415—1493) было в ту эпоху как бы поговоркой. Торопливость жизни в начале XVI в. казалась современникам «столь же удивительной, как нам промышленная энергия нашего времени» (выражение К. Лампрехта, немецкого историка).

лет назад, далеко не было так распространено, как теперь. Даже влажная темнота ночи и звон замыкаемых уличных цепей не всегда заставляли нас идти на покой.

В такую жизнь был я погружен почти три зимы, пока не кончились для меня эти забавы несчастно. Неискушенное мое сердце разгорелось страстью к нашей соседке, жене хлебопекаря, бойкой и красивой, — со щеками, как снег, посыпанный лепестками роз, с губами, как сицилийские кораллы, и зубами, как цейлонские перлы, если говорить языком стихотворцев. Она не была неблагосклонна к юноше, статному и острому на слово, но желала от меня тех маленьких подарков, на которые, как отметил еще Овидий Назон, падки все женщины. Денег, посылаемых мне отцом, не доставало, чтобы выполнять ее прихотливые причуды, и вот, с одним из самых отчаянных своих сверстников, вовлекся я в очень нехорошее дело, которое не осталось скрытым, так что мне грозило заключение в городскую тюрьму. Только благодаря усиленным хлопотам Отфрида Герарда, пользовавшегося расположением влиятельного и очень замечательного по уму каноника, графа Германа фон Нейенара¹, был я освобожден от суда и отправлен к родителям для домашнего наказания.

Казалось бы, что этим должны были кончиться для меня школьные годы, но на деле тут только и началось для меня то учение, которому обязан я своим правом называться человеком просвещенным. Мне было семнадцать лет. Не получив в университете даже степени бакалавра, поселился я дома в жалком положении тунеядца и запятнавшего свою честь человека, от которого все отступились. Отец пытался приискать мне какое-либо дело и заставлял помогать ему в составлении лекарств, но я с упрямством уклонялся от нелюбезной мне профессии, предпочитая терпеть упрёки в дармоедстве. Однако в уединенном нашем

---

¹ Герман фон Нейенар (1491—1530) — один из немногих гуманистов, живших в ту эпоху в Кельне.

Лозгейме нашел я верного друга, полюбившего меня кротко и выведшего меня на новую дорогу. То был сын нашего аптекаря, Фридрих, юноша, немного меня старше, болезненный и странный. Отец его любил собирать и переплетать книги, особенно новые, печатные, и тратил на них весь излишек своих доходов, хотя сам читал редко. Фридрих же с самых ранних лет предавался чтению, как упоительной страсти, и не знал высшей радости, как повторять вслух любимые страницы. За это почитали Фридриха в нашем городе не то юношей полоумным, не то человеком опасным, и был он столь же одинок, как я, так что нисколько не удивительно, что мы с ним сдружились, словно две птицы в одной клетке. Когда я не бродил с самострелом по кручам и склонам окрестных гор, шел я в маленькую каморку своего друга, на самом верху дома, под черепицами, и мы часы за часами проводили среди толстых томов древности и тоненьких книжек современных писателей.

Так, помогая друг другу, то вместе восхищаясь, то упорно споря, читали мы, и в зимние прохладные дни, и в летние звездные ночи, все, что могли достать в нашем захолустье, обращая чердак аптеки в Академию. Несмотря на то что оба мы не очень-то были сильны в грамматике Цинтена, прочли мы немало латинских авторов, причем и таких, о которых не было речи в университете ни на ординариях, ни на диспутах. У Катулла, Марциала, Кальпурния нашли мы, навсегда непревосходимые, образцы красоты и вкуса, до сих пор ярко живущие в моей памяти, а в творениях богоподобного Платона заглянули в самые глухие глубины человеческой мудрости, не все понимая, но всем потрясенные. В сочинениях нашего века, менее совершенных, но более нам близких, научились мы сознавать то, что уже раньше, не имея слов, жило и роилось в нашей душе. Мы увидели свои собственные, до тех пор еще туманные, взгляды, — в неистошимо-забавной «Похвале глупости», в остроумных и благородных, что бы там ни говорили,

«Разговорах», в мощном и неумолимом «Торжестве Венеры» и в тех «Письмах темных людей», которые мы не раз перечли от начала до конца и которым сама древность может противопоставить разве одного Лукиана¹.

Между тем то были те самые времена, о которых теперь говорят: кто в 23 году не умер, в 24-м не утонул, а в 25-м не был убит, — должен благодарить Бога за чудо. Но нас, занятых беседами с благороднейшими умами, почти не увлекали черные бури современности. Мы нисколько не сочувствовали нападению на Трир рыцаря Франца фон Зикингена², которого некоторые прославляли как друга лучших людей, но который на деле был человек старого закала, из числа разбойников, ставящих дешевой ставкой свою голову, чтобы ограбить проезжего. Наш архиепископ дал отпор насильнику, показав, что времена Флоризеля Никейского³ стали дедовскими преданиями. Точно так же, когда два следующих года по всем немецким землям, словно в сатанинской пляске, проносились народные мятежи и буйства и в нашем городе только и разговоров было, что об исходе восстаний, мы наших занятий не нарушали. Мечтателю Фридриху сначала казалось, что эта огненная и кровавая буря поможет установить в нашей стране больше порядка и справедливости, но скоро и он уверился, что ждать нечего от немецких крестьян, слишком еще диких и невежественных. Все свершившееся оправдало горькие

---

¹ «Грамматика Цинтена» — сочинение Иоанна Цинтена, ученого схоластика. Сочинения, перечисляемые автором, были новинками только для того захолустья, где он жил. Первое издание «Похвалы глупости» Эразма появилось в 1509 г. Первое издание «Разговоров» Эразма вышло в 1519 г. Автор «Торжества Венеры» Генрих Бебель умер в 1518 г. Первая часть «Писем темных людей» появилась впервые в 1515 г., вторая — в 1517 г.

² Нападение на Трир Зикингена относится к сентябрю 1522 г.

³ Флоризель Никейский, сын Амадиса Галльского — герой одного из рыцарских романов.

слова одного из писателей: *rustica gens optima flens pessima gaudens*¹.

Некоторые раздоры вызывали между нами первые слухи о Мартине Лютере, этом «непобедимом еретике»², имевшем уже тогда немало сторонников среди владетельных князей. Уверяли, будто девять десятых Германии восклицало в те дни «Да здравствует Лютер!», а позднее, в Испании, говорили, что у нас религия меняется, как погода, и майский жук летает между тремя церквями. Меня лично несколько не занимал спор о благодати и пресуществлении, и я никогда не понимал, как Дезидерий Эразм, этот единственный гений, мог интересоваться монашескими проповедями. Сознывая вместе с лучшими людьми современности, что вера заключается в глубине сердца, а не во внешних проявлениях, я по тому самому, ни в юности, ни в возрасте зрелом, никогда не чувствовал затруднения ни в обществе добрых католиков, ни среди испуганных лютеранцев. Напротив, Фридрих, которого в религии на каждом шагу пугали мрачные пропасти, находил какое-то непонятное мне откровение в книжках Лютера, правда, цветистых и не лишенных силы слога, — и наши споры переходили порой в обидные ссоры.

В начале 26 года, тотчас после Святой Пасхи, приехали к нам в дом сестра Луиза с мужем. Жизнь при них стала для меня совсем нестерпима, так как они без устали осыпали меня упреками за то, что в двадцать лет остаюсь я ярмом на плечах отца и жерновом на очах матери. Около того же времени рыцарь Георг фон Фрундсберг, славный победитель французов³, по поручению императора, вербовал в наших

---

¹ То есть «крестьяне лучше всего, когда плачут, хуже всего, когда радуются» — выражение в книге Феликса Геммерлина *De nobilitate* (1457). Крестьянин был постоянным предметом насмешек для немецких писателей XV—XVI вв.

² Так называл Лютера Агриппа Неттесгеймский.

³ Автор называет Георга фон Фрундсберга (1473—1528) победителем французов, вероятно, как участника битвы при Павии.

краях рекрутов. Тогда пришло мне на ум стать вольным ландскнехтом, так как не видел я другого способа изменить свою жизнь, которая готова была застояться, как воды пруда. Фридрих, мечтавший было, что я сделаюсь видным писателем, — ибо оба мы с ним делали опыты подражать нашим любимым авторам, — очень опечалился, но не нашел доводов разубедить меня. Я объявил отцу, решительно и настойчиво, что выбираю военное ремесло, ибо мне более пристал меч, чем ланцет. Отец, как я и ожидал, пришел в гнев и запретил мне и думать о военном деле, сказав: «Всю жизнь я поправлял человеческие тела и не хочу, чтобы мой сын уродовал их». Своих денег, чтобы купить вооружение и одежду, не было ни у меня, ни у моего друга, и потому я решил покинуть родной кров тайно. Ночью, помнится, на 5 июня, незаметно вышел я из дому, взяв с собой 25 рейнских гульденов. Мне очень запомнилось, как Фридрих, проводив меня до выхода в поле, обнял меня, — увы, последний раз в жизни! — плача, у серой ветлы, бледный, в лунном озарении, как мертвец.

Я в тот день не чувствовал на сердце тяготы разлуки, так как сияла передо мной, как глубь майского утра, новая жизнь. Был я молод и силен, вербовщики приняли меня без спора, и я вступил в итальянское войско Фрундсберга. Все легко поймут, что потянувшиеся затем дни были трудны для меня, если только вспомнят, что такое наши ландскнехты: люди буйные, грубые, неученые, щеголяющие пестротой одежды да затейливостью речи, ищущие только, как бы напиться пьянее да поживиться получше добычей. Почти страшно было после утонченных, как игла, шуток Марциала или возвышенных, как полет коршуна, соображений Марсилио Фичино¹ участвовать мне в безудержных забавах новых сотоварищей, и иногда казалась мне тогда моя жизнь сплошным удушливым сном. Но начальники мои не могли не заметить, что я отличаюсь от товарищей и знаниями, и обхождением,

---

¹ Марсилио Фичино (1433—1499) — итальянский гуманист.